

МРНТИ 06.51.51
УДК 339.9
JEL F02, F15, F63

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2026-1-1-197-211>

АБАЙДУЛЛАЕВА М.М.,*¹

PhD, ассоциированный профессор.

*e-mail: m.abaidullayeva@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-2113-5281

ДАДАБАЕВА Д.М.,¹

к.э.н., профессор-исследователь.

e-mail: d.dadabayeva@turan-edu.kz,

ORCID ID: 0000-0003-2439-3470

МУСАЕВА Н.М.,²

д.э.н., профессор.

e-mail: nurimusa78@gmail.com

ORCID ID: 0009-0003-7324-6562

¹Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

²Кыргызский национальный

университет им. Ж. Баласагына,

г. Бишкек, Кыргызстан

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ФОРМАТАХ «5+1» НА ОСНОВЕ РИСКОРИЕНТИРОВАННОГО АНАЛИЗА

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности, риски и перспективы расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1» – модели международного взаимодействия, в которой пять стран-участниц (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан) строят сотрудничество с одним внешним партнером (США, Китай, Россия, ЕС, Япония). В современных условиях эти форматы играют важную роль в интеграции Центральной Азии в мировую экономику, а их гибкий и слабо институционализированный характер, с одной стороны, повышает адаптивность сотрудничества, с другой – увеличивает риск уязвимости к геополитическим, инфраструктурным, институциональным и климатическим факторам. Одновременно эта институциональная специфика формирует потенциал для расширения и углубления экономического взаимодействия, если осуществляется системное управление рисками. Цель исследования – определить перспективы расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1», основываясь на систематизации и оценке потенциальных рисков и угроз с применением институционального подхода, методов SWOT-анализа и картирования рисков. В статье оценивается важность устойчивости сотрудничества и классифицируются риски по их экономической значимости, вероятности реализации и ущербу, который они влекут, а также обосновывается возможность трансформации выявленных рисков в стратегические направления развития торговли, инвестиций, транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры, а также развития ESG-повестки. Исследование имеет научное значение, так как устанавливает рискориентированную, а также перспективно ориентированную модели анализа в форматах «5+1», которые ранее преимущественно рассматривались в политико-дипломатическом контексте. Работа расширяет теоретические представления о гибридных формах международного экономического сотрудничества, демонстрируя, что риски могут выступать источником уязвимости и средством для обнаружения новых импульсов для экономического развития в регионе. Практическая значимость исследования заключается в перспективе применения его результатов для внешнеэкономической политики, программ расширения транспортно-логистического сотрудничества, гармонизации технических стандартов, цифровизации таможенных процедур и интеграции принципов ESG в совместные экономические инициативы стран Центральной Азии и зарубежных партнеров.

Ключевые слова: формат «5+1», региональная интеграция, стратегическое партнерство, устойчивое развитие, потенциальные риски, экономическое сотрудничество, мировая экономика.

Введение

Интерес к форматам «5+1» со стороны исследователей обусловлен их гибридным характером, сочетающим элементы межгосударственного сотрудничества, экономической дипломатии и проектно-ориентированного взаимодействия. В отличие от традиционных союзов здесь нет жесткой бюрократии или наднациональных органов. С одной стороны, это дает партнерам свободу действий, но с другой – делает их связи более хрупкими перед лицом внешних вызовов [1, 2]. В то же время именно такая институциональная специфика создает потенциал для быстрого расширения и углубления экономического сотрудничества при условии системного и управляемого подхода к идентификации и минимизации рисков [3].

В современных условиях рискориентированный анализ приобретает не только диагностическую, но и стратегическую функцию, позволяя рассматривать риски как точки входа для формирования новых импульсов развития и расширения экономического взаимодействия в форматах «5+1».

В научной литературе проблема регионального сотрудничества Центральной Азии рассматривается достаточно широко. Исследователи уделяют внимание вопросам транспортной связанности, энергетической безопасности, инвестиционного климата, интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости, а также геополитическому соперничеству внешних акторов в регионе [1, 4]. Существенный вклад внесен в изучение инициативы «Один пояс – один путь», Евразийского экономического союза, а также программ Европейского союза по развитию устойчивой инфраструктуры и «зеленой» экономики. Вместе с тем анализ форматов «5+1» как самостоятельного объекта исследования пока остается фрагментарным. Большинство работ носит описательный характер и сосредоточено на политико-дипломатических аспектах взаимодействия, тогда как вопросы использования рискориентированного подхода для выявления перспектив расширения экономического сотрудничества и формирования точек роста остаются недостаточно разработанными [5].

Слабо разработанным направлением является систематизация потенциальных рисков и угроз дальнейшего развития экономического сотрудничества в формате «5+1» с использованием институционального подхода и инструментов стратегического анализа, таких как SWOT-анализ и риск-картирование (risk mapping). При этом в существующих исследованиях риски преимущественно рассматриваются как ограничивающие факторы, тогда как их потенциал в качестве основы для выявления новых направлений расширения сотрудничества практически не раскрывается.

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, усиливается нестабильность мировой торговой системы, что проявляется в росте протекционизма, санкционных режимов, геоэкономической фрагментации и переориентации глобальных логистических маршрутов [6, 7]. Во-вторых, для Центральной Азии возрастает значение диверсификации внешнеэкономических партнеров и снижения зависимости от ограниченного числа рынков и транспортных коридоров. В-третьих, нарастает влияние климатических изменений и ужесточения ESG-требований на международные инвестиционные потоки, что требует пересмотра подходов к региональному экономическому сотрудничеству. В-четвертых, форматы «5+1» становятся одним из ключевых инструментов встраивания стран региона в глобальные экономические процессы. Совокупный ВВП пяти стран региона достиг 519 млрд долл. США в 2024 г., увеличившись примерно на 400% с 2000 г., при среднегодовом реальном росте 6,7% – заметно выше среднемирового уровня (2,6%) [8]. Внешняя торговля стран Центральной Азии за тот же период возросла почти в девять раз, а объем прямых иностранных инвестиций – в 17 раз [7]. В этих условиях рискориентированный анализ выступает как методологическая основа для формирования новых стратегических импульсов расширения сотрудничества в сферах торговли, инвестиций, транспортной и энергетической инфраструктуры, а также устойчивого развития.

Цель исследования заключается в определении перспектив расширения и углубления экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1» на основе выявления, систематизации и оценки потенциальных рисков и угроз.

Для достижения цели исследования в работе предполагается:

- ♦ определить основные внутренние и внешние факторы, влияющие на устойчивость сотрудничества;
- ♦ провести SWOT-анализ экономического взаимодействия стран Центральной Азии в форматах «5+1»;
- ♦ классифицировать возможные риски и угрозы по их экономической природе и источникам возникновения;
- ♦ построить карту рисков с учетом вероятности их реализации и масштаба последствий;
- ♦ выявить потенциальные точки роста и новые направления совместной деятельности стран Центральной Азии в форматах «5+1» в торговой, инвестиционной, транспортно-логистической, энергетической и ESG-сферах.

Рискориентированный анализ в данном исследовании рассматривается как аналитическая основа для формирования стратегических решений, направленных на расширение экономического сотрудничества и повышение его устойчивости.

В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается положение о том, что перспективы расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1» в значительной степени определяются способностью трансформировать выявленные риски в управляемые факторы развития за счет институционального укрепления, согласования правил и процедур, а также интеграции климатической и ESG-повестки в совместные экономические инициативы.

Материалы и методы

Методологическая основа настоящего исследования построена на принципах комплексного и междисциплинарного анализа, сочетающего положения институциональной экономики, теории регионального развития и концепции рискориентированного управления.

В отличие от традиционного подхода, при котором рискориентированный анализ используется преимущественно для выявления угроз и уязвимостей, в настоящей работе он применяется как инструмент стратегического планирования, направленный на выявление перспектив расширения и углубления экономического сотрудничества в форматах «5+1».

Выбор данной методологической рамки обусловлен спецификой форматов «5+1», которые представляют собой гибкую, слабо формализованную форму международного экономического сотрудничества, функционирующую в условиях высокой неопределенности и значительного воздействия внешних факторов. В таких условиях оценка устойчивости сотрудничества требует не только анализа экономических показателей, но и изучения институциональной среды, политико-экономических условий и системных рисков, формирующих поведение экономических акторов.

При этом институциональная незавершенность данных форматов рассматривается не только как источник уязвимостей, но и как пространство для институционального развития и расширения сфер совместной деятельности.

Исследование было организовано в виде последовательного многоэтапного процесса, направленного на выявление, систематизацию и оценку потенциальных рисков и угроз, а также на определение возможностей трансформации этих рисков в факторы расширения экономического сотрудничества стран Центрально-Азиатского региона в рамках форматов «5+1».

В основу анализа положен институциональный подход, рассматривающий экономическое сотрудничество как совокупность формальных и неформальных правил, механизмов координации, практик взаимодействия и ожиданий экономических субъектов. Такой подход позволяет выявить не только экономические, но и организационные, правовые и политические ограничения, влияющие на устойчивость сотрудничества, а также определить направления их институционального совершенствования в целях расширения сотрудничества.

Первым этапом исследования стал сбор и систематизация эмпирических и статистических данных, необходимых для комплексного анализа экономического сотрудничества стран Центральной Азии с внешними партнерами в форматах «5+1». В качестве информационной базы использовались официальные отчеты и аналитические материалы международных ор-

ганизаций, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд, Конференцию ООН по торговле и развитию (UNCTAD), Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD), а также данные региональных и национальных статистических органов стран Центральной Азии. Дополнительно привлекались стратегические документы и программные материалы, касающиеся инициатив в рамках форматов «5+1», такие как совместные декларации, меморандумы о сотрудничестве, дорожные карты по развитию инфраструктуры, энергетики, цифровизации и «зеленой» экономики.

Это позволило оценить не только текущее состояние сотрудничества, но и выявить приоритетные сферы его потенциального расширения.

Особое внимание уделялось сопоставимости статистических данных, их временной согласованности и репрезентативности для стран региона.

На втором этапе исследования был проведен институциональный анализ форматов «5+1» как специфической формы организации международного экономического взаимодействия. В рамках данного анализа изучались:

- ♦ уровень формализации правил и процедур сотрудничества;
- ♦ наличие или отсутствие постоянных координационных механизмов;
- ♦ степень институциональной устойчивости реализуемых инициатив;
- ♦ распределение ролей между государственными и негосударственными акторами;
- ♦ механизмы принятия решений и контроля за реализацией совместных проектов.

Институциональный анализ позволил выявить структурные особенности форматов «5+1», которые формируют их сильные стороны (гибкость, адаптивность, возможность быстрого запуска проектов) и одновременно создают уязвимости (ограниченная предсказуемость, зависимость от политической конъюнктуры, слабая правовая защищенность экономических соглашений). Данные особенности интерпретируются в работе как потенциальные точки институционального роста, обеспечивающие расширение сотрудничества за счет повышения согласованности процедур, формализации механизмов координации и укрепления проектного управления.

Третьим этапом исследования стало применение метода SWOT-анализа, направленного на выявление внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на устойчивость экономического сотрудничества в рамках форматов «5+1». SWOT-анализ рассматривался как инструмент стратегической диагностики, позволяющий структурировать информацию о сильных и слабых сторонах сотрудничества, а также о возможностях и угрозах его дальнейшего развития.

Особенностью настоящего исследования является использование SWOT-анализа для выявления перспектив расширения сотрудничества на основе сопоставления рисков и возможностей.

Формирование каждого блока SWOT-матрицы осуществлялось на основе контент-анализа стратегических документов и экспертных отчетов, а также на базе обобщения статистических данных. Для обеспечения объективности отбора факторов применялся принцип их повторяемости в различных источниках.

Четвертым этапом исследования стало построение системы риск-картирования (risk mapping), основанной на классификации рисков по двум ключевым параметрам: вероятности их реализации и степени воздействия на устойчивость экономического сотрудничества. В настоящем исследовании данные параметры оценивались по условной трехуровневой шкале: низкий, средний и высокий уровень. Оценки вероятности и воздействия формировались на основе метода контент-анализа: каждый риск оценивался по частоте его упоминания и характеристике в изученных стратегических документах, экспертных докладах и статистических отчетах (Всемирный банк, МВФ, UNCTAD, ЕС, АБР). Риск признавался высоковероятным, если он фиксировался как актуальный или реализованный в не менее чем трех независимых источниках; умеренным – если в двух; низким – если упоминался лишь как гипотетический. Воздействие оценивалось по масштабу потенциальных экономических потерь: высокое – угроза стабильности торговых потоков или инвестиционных поступлений в масштабах всего региона; среднее – значимые, но локализованные эффекты; низкое – незначительные отраслевые последствия.

Риск-картирование используется не только для определения критических зон уязвимости, но и для приоритизации направлений расширения сотрудничества, в которых институциональные и экономические улучшения могут дать наибольший эффект.

Процедура риск-картирования включала следующие шаги:

- ♦ формирование перечня рисков на основе институционального анализа и SWOT-анализа;
- ♦ группировка рисков по категориям (геополитические, инфраструктурные, институциональные, торгово-экономические, климатические и ESG-риски);
- ♦ оценка вероятности реализации рисков;
- ♦ оценка степени их воздействия на устойчивость сотрудничества;
- ♦ построение карты рисков с выделением зон низкого, умеренного, повышенного и критического риска.

Дополнительно каждая группа рисков рассматривалась как индикатор приоритетных направлений для институциональных реформ, инфраструктурных инвестиций и расширения совместных экономических инициатив.

Таким образом, методологическая модель исследования ориентирована не только на выявление угроз устойчивости сотрудничества, но и на формирование аналитической базы для разработки стратегических решений, направленных на расширение экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1».

Результаты и обсуждение

Применение SWOT-анализа позволило систематизировать внутренние и внешние факторы, влияющие не только на устойчивость, но и на перспективы расширения экономического сотрудничества Центрально-Азиатского региона с внешними партнерами в форматах «5+1». Результаты анализа представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – SWOT-матрица экономического сотрудничества Центральной Азии в форматах «5+1»

Примечание: Сгенерирован в инфографику с помощью ChatGPT на основе предоставленного SWOT-анализа.

SWOT-анализ показывает, что экономическое сотрудничество в форматах «5+1» обладает значительным потенциалом, обусловленным выгодным геоэкономическим положением региона, его транзитной функцией между Европой и Азией, а также растущим интересом со стороны ключевых внешних партнеров.

При этом выявленные риски и институциональные ограничения могут рассматриваться не только как сдерживающие факторы, но и как индикаторы направлений, в которых расширение сотрудничества способно дать наибольший стратегический эффект.

Особенно важным является то, что сочетание слабой институционализации и усиления геополитических и климатических факторов формирует нестабильную среду для долгосрочных экономических проектов. Одновременно это создает объективную потребность в институциональном укреплении форматов «5+1», что может стать основой для их перехода от ситуативных инициатив к более устойчивым форматам экономического взаимодействия.

На основе результатов институционального анализа и SWOT-анализа была сформирована классификация потенциальных рисков и угроз, которая одновременно отражает потенциальные направления расширения сотрудничества (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация рисков экономического сотрудничества в форматах «5+1»

Категория рисков	Содержание	Примечание
Геополитические	Санкции, конфликты, усиление геоэкономической фрагментации	Под давлением санкций товарооборот РФ – ЦА вырос на 26% в 2022–2023 гг., переориентировав часть российского импорта через регион; одновременно страны ЦА столкнулись с угрозой вторичных санкций со стороны США и ЕС [7, 8].
Инфраструктурные и логистические	Нестабильность транспортных маршрутов, износ инфраструктуры	Приток ПИИ в ЦА сократился на 27% в 2023 г. и продолжил снижение в 2024 г. [7, 17]. Транспортные затраты в ЦА составляют 30–40% стоимости товара – вдвое выше среднемирового уровня [16].
Институциональные и регуляторные	Различия стандартов, слабая координация, отсутствие единых процедур	Пять стран ЦА применяют различные системы технического регулирования. По индексу Doing Business (2020) разброс составлял от 28-го места (Казахстан) до 128-го (Туркменистан), что отражает глубокую регуляторную фрагментацию рынка [8, 10].
Торгово-экономические	Рост издержек, снижение конкурентоспособности экспорта	Совокупная доля пяти стран ЦА в мировом товарном экспорте не превышает 0,5%. Логистические издержки в регионе в среднем составляют 30–40% от стоимости товара, что существенно выше среднемирового уровня в 10–15% [8, 16].
Климатические и ESG	Ужесточение требований к устойчивости проектов, экологические риски	ЦА может потерять до 25% ледников к 2050 г., угрожая водоснабжению 50+ млн человек (МГЭИК). Глобальные ESG-активы превысили \$35 трлн в 2020 г. и продолжают расти, формируя жесткие требования к инвестиционным проектам [17, 21].
Примечание: Составлено авторами на основе источников [7, 8, 10, 16, 17, 21].		

Эта классификация показывает, что риски имеют комплексный характер и затрагивают как макроэкономический уровень (геополитика, климат), так и микроэкономические аспекты (издержки бизнеса, стандартизация, доступ к инвестициям). Следовательно, управление этими рисками создает предпосылки для расширения сотрудничества в сферах торговли, инвестиций, логистики, энергетики и устойчивого развития.

Для оценки относительной значимости рисков была построена карта рисков (таблица 2), основанная на соотношении вероятности их реализации и степени потенциального воздействия на устойчивость экономического сотрудничества.

Шкалы оценки:

- ◆ вероятность (P): низкая / средняя / высокая
- ◆ воздействие (I): низкое / среднее / высокое

Интегральный уровень риска:

- ◆ низкий
- ◆ умеренный
- ◆ повышенный
- ◆ критический

Таблица 2 – Матрица ключевых рисков

№	Риск	Категория	Вероятность (P)	Воздействие (I)	Уровень риска
1	Санкционные ограничения и вторичные санкции	Геополитический	Высокая	Высокое	Критический
2	Нестабильность транспортных маршрутов	Инфраструктурный	Высокая	Высокое	Критический
3	Рост логистических и транзакционных издержек	Торгово-экономический	Средняя	Высокое	Повышенный
4	Различия в технических стандартах и сертификации	Институциональный	Высокая	Среднее	Повышенный
5	Политическая нестабильность отдельных стран региона	Геополитический	Средняя	Высокое	Повышенный
6	Ужесточение ESG-требований со стороны инвесторов	ESG/климатический	Высокая	Среднее	Повышенный
7	Климатические угрозы (водный дефицит, засухи, экориски)	Климатический	Средняя	Среднее	Умеренный
8	Слабая институциональная координация в форматах «5+1»	Институциональный	Средняя	Среднее	Умеренный
9	Волатильность мировых сырьевых рынков	Экономический	Низкая	Среднее	Умеренный

Примечание: Составлено авторами на основе результатов риск-картирования.

Полученные результаты подтверждают, что устойчивость форматов «5+1» в значительной степени определяется способностью учитывать комплекс рисков различной природы. При этом рискориентированный подход позволяет перейти от логики «избежания угроз» к логике «поиска новых импульсов экономического роста и расширения сотрудничества». Каждый риск, попадающий в зону повышенного или критического воздействия, сигнализирует о структурном дефиците – инфраструктурном, институциональном или регуляторном. Устранение такого дефицита через совместные инициативы в рамках форматов «5+1» и является конкретным содержанием «точки роста». Иными словами, риск служит диагностическим маркером, а его управляемое преодоление – операциональным механизмом расширения сотрудничества.

Санкционные ограничения и нестабильность транспортных маршрутов, отнесенные к критической зоне рисков, указывают на необходимость:

- ♦ диверсификации торговых партнеров и маршрутов поставок;
- ♦ развития альтернативных транспортных коридоров;
- ♦ углубления кооперации в сфере транспортно-логистической инфраструктуры в рамках форматов «5+1».

Таким образом, данные риски трансформируются в стратегическое направление расширения сотрудничества в области транспортной инфраструктуры и транзитного потенциала региона. Так, объем грузоперевозок по Транскаспийскому международному транспортному маршруту (Средний коридор) вырос с 350 тыс. тонн в 2021 г. до 4,1 млн тонн в 2024 г., то есть более чем

в 11 раз, а по прогнозам Всемирного банка, при соответствующих инвестициях этот показатель может утроиться и достичь 11 млн тонн к 2030 г. [8, 22].

Различия в технических стандартах и сертификационных требованиях указывают на потенциал расширения сотрудничества через гармонизацию стандартов и регуляторных процедур, развитие механизмов взаимного признания сертификации, а также создание совместных институциональных платформ технического регулирования.

Это формирует перспективы расширения сотрудничества в сфере институционального и регуляторного взаимодействия.

Рост логистических и транзакционных издержек, а также волатильность мировых рынков указывают на необходимость цифровизации таможенных процедур, развития совместных цифровых платформ управления торговыми потоками и создания механизмов поддержки бизнеса в рамках форматов «5+1».

Тем самым формируются перспективы расширения сотрудничества в сфере торгово-экономической инфраструктуры.

Климатические и ESG-риски, отнесенные к зоне повышенного и умеренного риска, трансформируются в потенциал привлечения «зеленых» инвестиций, развитие совместных проектов в области возобновляемой энергетики, а также в формирование единых ESG-стандартов для инвестиционных инициатив в рамках «5+1».

Это позволяет рассматривать климатическую повестку не как ограничение, а как ключевой драйвер расширения инвестиционного сотрудничества.

Инфраструктурные риски указывают на необходимость:

- ◆ расширения совместных программ модернизации энергетической и транспортной инфраструктуры;
- ◆ формирования долгосрочных инвестиционных консорциумов;
- ◆ привлечения международных финансовых институтов под проекты устойчивого развития.

Вместе с тем инвестиционная динамика в регионе неоднородна. По данным UNCTAD, приток ПИИ в Центральную Азию сократился на 27% в 2023 г. и продолжил снижение в 2024 г., причем особенно резкий спад был зафиксирован в Казахстане [7, 11]. При этом совокупный объем привлеченных ПИИ в Казахстан с момента обретения независимости составил 151 млрд долл. – около 70% от общего притока в регион [19]. Это свидетельствует о значительной концентрации инвестиционных потоков и необходимости активизации инвестиционного сотрудничества в рамках форматов «5+1» для более равномерного распределения инвестиций по странам региона.

Риски в данном контексте выступают в качестве аналитических маркеров, указывающих на те сферы, в которых углубление и расширение взаимодействия способно принести наибольший стратегический эффект.

Проведенный анализ показывает, что устойчивость экономического сотрудничества в форматах «5+1» формируется под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. К внешним факторам относятся геополитическая ситуация, санкционные ограничения, климатические изменения и ужесточение ESG-требований. Эти условия создают общий фон неопределенности, в котором реализуются совместные экономические инициативы стран Центральной Азии.

В то же время характер и сила воздействия внешних факторов во многом зависят от институциональной среды самих форматов «5+1». Ключевое значение здесь имеют степень формализации сотрудничества, наличие устойчивых механизмов координации, согласованность правил и процедур, а также эффективность организационных практик. Именно институциональная среда определяет, будут ли внешние вызовы смягчаться или, наоборот, усиливаться.

В результате взаимодействия внешних факторов и институциональной среды формируются различные группы рисков: геополитические, инфраструктурные, институциональные, торгово-экономические, климатические и ESG-риски. Эти риски напрямую влияют на устойчивость сотрудничества, отражаясь на стабильности торговли, инвестиционной активности, реализации совместных проектов и использовании транзитного потенциала региона.

На этой основе была разработана модель рискориентированного анализа, представленная на рисунке 2.

Рисунок 2 – Модель рискоориентированного анализа сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1»

Примечание: Сгенерирован в инфографику с помощью ChatGPT на основе предоставленного материала.

Рисунок 1 показывает последовательную логику формирования рисков. Сначала внешние факторы создают исходные условия функционирования форматов «5+1». Затем их воздействие проходит через институциональную среду, которая либо снижает, либо усиливает уязвимость сотрудничества. Далее формируются основные группы рисков, отражающие различные аспекты экономического взаимодействия. Итогом совокупного влияния этих факторов становится уровень устойчивости сотрудничества, который проявляется в стабильности торговли, динамике инвестиций, успешности реализации проектов и развитии транзитного потенциала.

Таким образом, модель подчеркивает, что риски в форматах «5+1» следует рассматривать не только как угрозы, но и как маркеры потенциальных направлений институционального и экономического расширения сотрудничества.

Для формата ЦА – США перспективы роста связаны с развитием ESG-финансирования, «зеленых» инвестиций, возобновляемой энергетики, цифровой торговли и климатических проектов. США через агентство DFC продвигают стандарты качественной и устойчивой инфраструктуры, а региональные институты, такие как AIFC, развивают устойчивое финансирование и инструменты «зеленых» инвестиций.

Для формата ЦА – Китай приоритетными остаются расширение транспортных коридоров, развитие логистической и индустриальной инфраструктуры, создание производственных кластеров и цифровых платформ. Китай закрепился в роли ведущего торгового партнера региона: товарооборот ЦА – Китай вырос с 89,4 млрд долл. в 2023 г. до 94,8 млрд долл. в 2024 г. [18]. Объем грузоперевозок по Среднему коридору (Транскаспийскому международному транспортному маршруту) увеличился на 63% за первые 11 месяцев 2024 г., достигнув 4,1 млн тонн, а контейнерный трафик вырос в 2,7 раза [22]. По прогнозам Всемирного банка, с модернизацией инфраструктуры объем перевозок по маршруту может утроиться и достичь 11 млн тонн к 2030 г. [16].

Для формата ЦА – Россия ключевыми направлениями являются энергетика, промышленная кооперация, транспортная связанность, миграционная политика и научно-образовательное сотрудничество. Торговля в рамках ЕАЭС остается значимым компонентом внешнеэкономических связей региона: совокупный товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС за январь–август 2024 г. составил 18,9 млрд долл. [8].

Для формата ЦА – ЕС основными точками роста выступают устойчивое развитие, гармонизация технических стандартов, «зеленая» инфраструктура [15], институциональные реформы и образовательные программы. Европейский союз является крупнейшим иностранным инвестором в регионе и последовательно наращивает финансовые обязательства: в апреле 2025 г. на первом саммите ЕС – ЦА было объявлено о дополнительных инвестициях в рамках инициативы Global Gateway в размере 12 млрд евро, включая 3 млрд евро на развитие Среднего коридора в дополнение к ранее выделенным 10 млрд евро [15].

Для формата ЦА – Япония перспективы связаны с технологической модернизацией, экологическими инновациями, развитием «умной» инфраструктуры и внедрением передовых практик управления и риск-менеджмента [13].

Таким образом, рискориентированный подход трансформирует форматы «5+1» из механизма реагирования на угрозы в инструмент стратегического планирования и расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии.

Обобщение проведенного анализа позволяет представить логику трансформации рисков в точки роста в систематизированном виде (таблица 3).

Таблица 3 – Трансформация рисков в точки роста экономического сотрудничества в форматах «5+1»

№	Риск (уровень)	Структурный дефицит	Точка роста (направление)
1	Санкционные ограничения и нестабильность маршрутов (критический)	Зависимость от ограниченного числа транзитных маршрутов и партнеров	Диверсификация маршрутов; развитие Среднего коридора; транспортно-логистические консорциумы в рамках «5+1»
2	Различия в технических стандартах и сертификации (повышенный)	Регуляторная фрагментация, высокие транзакционные издержки для бизнеса	Гармонизация стандартов; взаимное признание сертификатов; совместные регуляторные платформы
3	Рост логистических и транзакционных издержек (повышенный)	Слабая цифровизация таможенных и торговых процедур	Цифровые торговые платформы; автоматизация таможни; электронный документооборот в рамках «5+1»
4	Ужесточение ESG-требований инвесторов (повышенный)	Отсутствие единых ESG-стандартов и «зеленых» финансовых инструментов в регионе	Региональные ESG-стандарты; «зеленые» облигации; совместные климатические проекты ВИЭ
5	Слабая институциональная координация в форматах «5+1» (умеренный)	Ограниченная предсказуемость и слабая правовая защита соглашений	Постоянные координационные механизмы; формализация процедур; проектное управление совместными инициативами
Примечание: Составлено авторами на основе результатов риск-картирования.			

Таблица 3 демонстрирует, что каждый выявленный риск указывает на конкретный структурный дефицит, устранение которого посредством совместных инициатив в рамках форматов «5+1» образует реальную точку роста. Тем самым переход от логики «избежания угроз» к логике «использования рисков как сигналов» обеспечивается не декларативно, а через операционную связку: риск → дефицит → направление совместных действий.

Заключение

Проведенное исследование позволило не только комплексно оценить риски и угрозы дальнейшего развития экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1», но и определить перспективы его расширения и углубления на основе рискориентированного анализа как инструмента стратегического планирования. Полученные результаты подтверждают, что данные форматы, обладая высокой гибкостью и адаптивностью, при наличии системного подхода к управлению рисками способны трансформироваться в устойчивый механизм долгосрочного экономического взаимодействия.

Установлено, что рискориентированный анализ позволяет перейти от пассивного восприятия рисков как ограничений к активной интерпретации их как источников формирования новых импульсов экономического роста и расширения сотрудничества. В этом контексте риски выступают не только в роли факторов уязвимости, но и как индикаторы направлений, в которых институциональные, инфраструктурные и инвестиционные преобразования могут дать наибольший эффект.

Показано, что санкционные ограничения и нестабильность транспортно-логистических маршрутов, относящиеся к зоне критических рисков, формируют объективную необходимость расширения сотрудничества в сфере транспортной инфраструктуры, развития альтернативных транзитных коридоров и диверсификации внешнеэкономических связей. Это позволяет рассматривать данные риски как стимул к углублению региональной связанности и укреплению транзитного потенциала Центральной Азии.

В зоне повышенного риска сосредоточены институциональные и торгово-экономические факторы, включая различия в технических стандартах и сертификации, рост транзакционных и логистических издержек, а также политическую нестабильность отдельных стран региона. Их преодоление открывает перспективы расширения сотрудничества через гармонизацию регуляторных процедур, цифровизацию таможенных и торговых процессов, создание совместных институциональных платформ и механизмов поддержки бизнеса.

Особое значение в современных условиях приобретают климатические и ESG-риски, которые трансформируются из второстепенных факторов в один из ключевых драйверов расширения инвестиционного сотрудничества. Интеграция ESG-принципов в совместные экономические инициативы, развитие проектов в сфере «зеленой» энергетики и устойчивой инфраструктуры создают новые возможности привлечения международных финансовых ресурсов и формирования долгосрочных инвестиционных партнерств.

Научная новизна работы заключается в том, что форматы «5+1» рассматриваются не только как объект рискориентированного, но и как платформа перспективно ориентированного анализа, в рамках которого риски интерпретируются как основа для выявления направлений расширения экономического сотрудничества. Риски представлены не как разрозненные проблемы, а как взаимосвязанная система факторов, формирующих как зоны уязвимости, так и точки потенциального роста. Предложенная модель «внешние факторы → институциональная среда → группы рисков → уровень устойчивости» формирует воспроизводимую методологическую рамку, применимую к анализу аналогичных форматов многостороннего сотрудничества в других регионах.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при разработке стратегий внешнеэкономической политики стран Центральной Азии, формировании программ расширения сотрудничества в торговле, инвестициях, транспортно-логистической и энергетической инфраструктуре, а также в сфере устойчивого развития и ESG. Реализация данных направлений позволит снизить уровень транзакционных издержек, повысить инвестиционную привлекательность региона и укрепить роль форматов «5+1» как эффективного инструмента международного экономического взаимодействия.

Таким образом, рискориентированный анализ в настоящем исследовании выступает не только как метод оценки уязвимостей, но и как стратегический механизм выявления и обоснования перспектив расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1».

Следует отметить, что представленные в статье результаты носят характер промежуточных выводов. Дальнейшие исследования будут направлены на количественную оценку выявленных перспектив расширения сотрудничества, разработку практических моделей институционального укрепления форматов «5+1» и формирование прикладных рекомендаций по реализации совместных экономических инициатив.

В целом можно заключить, что эффективность форматов «5+1» в долгосрочной перспективе будет определяться не только масштабами реализуемых проектов, но и способностью стран региона и внешних партнеров выстроить систему проактивного управления рисками, ориентированную на расширение экономического сотрудничества, институциональное укрепление взаимодействия и формирование устойчивой стратегии развития Центральной Азии.

Информация о финансировании. Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP22685210 «Центрально-Азиатский регион в форматах «5+1»: проблемы и перспективы экономического сотрудничества»).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Laruelle M., Peyrouse S. Regional Integration in Central Asia: Actors, Interests and Institutions // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 1. P. 1–25.
- 2 Mukhtarova K., Konuspayev Y., Makasheva K., Shakirov K. Kazakhstan's position in the economic cooperation with other countries of Central Asia // *Central Asia and the Caucasus*. 2021, vol. 22, no. 2, pp. 110–121. URL: <https://www.ca-c.org/index.php/cac/article/view/710> (accessed: 11.01.2026)
- 3 Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The Region that Isn't: China, Russia and the Failure of Regional Integration in Central Asia // *Asia Europe Journal*. 2020, vol. 18, no. 3, pp. 347–366. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>
- 4 Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. New York: Oxford University Press. 2012, pp. 85–112.
- 5 Zavyalova E., Studenikin N., Starikova E. Business Participation in Implementation of Socially Oriented Sustainable Development Goals in Countries of Central Asia and the Caucasus Region // *Central Asia and the Caucasus*. 2018, vol. 19, no. 2, pp. 56–63. URL: <https://doi.org/10.37178/ca-c.18.2.07>
- 6 Ashurov S., Othman A.H.A., Rosman R.B., Haron R.B. The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region: A Case Study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A Quantitative Analysis Using GMM) // *Russian Journal of Economics*. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 162–176. URL: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.48556>
- 7 UNCTAD. UNCTADstat: Foreign Direct Investment Database. URL: <https://unctadstat.unctad.org> (accessed: 11.01.2026)
- 8 World Bank. World Development Indicators: Central Asia (TJ, UZ, KZ, TM, KG). URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 15.12.2025)
- 9 Жильцов С.С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии // *Проблемы постсоветского пространства*. – 2024. – № 3(11). – С. 188–197. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>
- 10 International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics (DOTS). URL: <https://data.imf.org> (accessed: 10.01.2026)
- 11 Султанова Л.Ш. Устойчивый рост стран Центральной Азии: возможности и перспективы // *Экономика: стратегия и практика*. – 2025. – № 1(20). – С. 75–89. URL: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2025-1-75-89>
- 12 Dissyukov A. Central Asia Plus Japan Dialogue: From Idea to Implementation // *Journal of International and Advanced Japanese Studies*. 2019, vol. 11, pp. 1–21. URL: <https://doi.org/10.15068/00154859>
- 13 Dadabaev T. Japan's Search for Its Central Asian Policy: Between Idealism and Pragmatism // *Asian Survey*. 2013, vol. 53, no. 3, pp. 506–532. URL: <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.506>
- 14 Ministry of Foreign Affairs of Japan. Central Asia plus Japan Dialogue: Summit Meeting (20 December 2025). URL: <https://www.mofa.go.jp> (accessed: 15.01.2026)
- 15 Council of the European Union. Joint Press Release following the EU–Central Asia Summit (04 April 2025). URL: <https://www.consilium.europa.eu> (accessed: 11.01.2026)
- 16 World Bank. The Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/middle-trade-and-transport-corridor> (accessed: 01.12.2025)
- 17 UNCTAD. World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Digital Government. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (accessed: 25.12.2025)
- 18 China Daily. China-Central Asia Collaboration a Necessity. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202506/16/WS684f4eaa310a04af22c65ae.html> (accessed: 11.01.2026)
- 19 The Astana Times. Kazakhstan Leads Central Asia in FDI, Stands Out in Greenfield Investment, Latest UN Report Says. URL: <https://astanatimes.com/2025/06/kazakhstan-leads-central-asia-in-fdi> (accessed: 11.01.2026)
- 20 Geopolitical Monitor. The Middle Corridor: A Route Born of the New Eurasian Geopolitics. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-middle-corridor-a-route-born-of-the-new-eurasian-geopolitics/> (accessed: 11.01.2026)
- 21 UNCTAD. Developing Asia: Mixed Picture for Foreign Investment in 2024. URL: <https://unctad.org/press-material/developing-asia-mixed-picture-foreign-investment-2024> (accessed: 11.01.2026)
- 22 Asia House. The Middle Corridor: The Future of Central Asian Growth and Cooperation. URL: <https://www.asiahouse.org/2025/07/20/the-middle-corridor-the-future-of-central-asian-growth-and-cooperation/> (accessed: 11.01.2026)

REFERENCES

- 1 Laruelle M., Peyrouse S. (2012) Regional Integration in Central Asia: Actors, Interests and Institutions // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 1. P. 1–25. (In English)
- 2 Mukhtarova K., Konuspayev Y., Makasheva K., Shakirov K. (2021) Kazakhstan’s position in the economic cooperation with other countries of Central Asia // *Central Asia and the Caucasus*, vol. 22, no. 2, pp. 110–121. URL: <https://www.ca-c.org/index.php/cac/article/view/710> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 3 Krapohl S., Vasileva-Dienes A. (2020) The Region that Isn’t: China, Russia and the Failure of Regional Integration in Central Asia // *Asia Europe Journal*, vol. 18, no. 3, pp. 347–366. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0> (In English)
- 4 Cooley A. (2012) *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. New York: Oxford University Press, pp. 85–112. (In English)
- 5 Zavyalova E., Studenikin N., Starikova E. (2018) Business Participation in Implementation of Socially Oriented Sustainable Development Goals in Countries of Central Asia and the Caucasus Region // *Central Asia and the Caucasus*, vol. 19, no. 2, pp. 56–63. URL: <https://doi.org/10.37178/ca-c.18.2.07> (In English)
- 6 Ashurov S., Othman A.H.A., Rosman R.B., Haron R.B. (2020) The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region: A Case Study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A Quantitative Analysis Using GMM) // *Russian Journal of Economics*, vol. 6, no. 2, pp. 162–176. URL: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.48556> (In English)
- 7 UNCTAD. UNCTADstat: Foreign Direct Investment Database. URL: <https://unctadstat.unctad.org> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 8 World Bank. World Development Indicators: Central Asia (TJ, UZ, KZ, TM, KG). URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 15.12.2025) (In English)
- 9 Zhil’cov S.S. (2024) Rol’ transportnyh koridorov v razvitii Central’noj Azii // *Problemy postsovetского prostranstva*. No. 3(11). P. 188–197. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197> (In Russian)
- 10 International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics (DOTS). URL: <https://data.imf.org> (accessed: 10.01.2026) (In English)
- 11 Sultanova L.Sh. (2025) Ustojchivyy rost stran Central’noj Azii: vozmozhnosti i perspektivy // *Jekonomika: strategija i praktika*. No. 1(20). P. 75–89. URL: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2025-1-75-89> (In Russian)
- 12 Dissyukov A. (2019) Central Asia Plus Japan Dialogue: From Idea to Implementation // *Journal of International and Advanced Japanese Studies*, vol. 11, pp. 1–21. URL: <https://doi.org/10.15068/00154859> (In English)
- 13 Dadabaev T. (2013) Japan’s Search for Its Central Asian Policy: Between Idealism and Pragmatism // *Asian Survey*, vol. 53, no. 3, pp. 506–532. URL: <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.506> (In English)
- 14 Ministry of Foreign Affairs of Japan. Central Asia plus Japan Dialogue: Summit Meeting (20 December 2025). URL: <https://www.mofa.go.jp> (accessed: 15.01.2026) (In English)
- 15 Council of the European Union. Joint Press Release following the EU–Central Asia Summit (04 April 2025). URL: <https://www.consilium.europa.eu> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 16 World Bank. The Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/middle-trade-and-transport-corridor> (accessed: 01.12.2025) (In English)
- 17 UNCTAD. World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Digital Government. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (accessed: 25.12.2025) (In English)
- 18 China Daily. China-Central Asia Collaboration a Necessity. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202506/16/WS684f4eaa310a04af22c65ae.html> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 19 The Astana Times. Kazakhstan Leads Central Asia in FDI, Stands Out in Greenfield Investment, Latest UN Report Says. URL: <https://astanatimes.com/2025/06/kazakhstan-leads-central-asia-in-fdi> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 20 Geopolitical Monitor. The Middle Corridor: A Route Born of the New Eurasian Geopolitics. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-middle-corridor-a-route-born-of-the-new-eurasian-geopolitics/> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 21 UNCTAD. Developing Asia: Mixed Picture for Foreign Investment in 2024. URL: <https://unctad.org/press-material/developing-asia-mixed-picture-foreign-investment-2024> (accessed: 11.01.2026) (In English)
- 22 Asia House. The Middle Corridor: The Future of Central Asian Growth and Cooperation. URL: <https://www.asiahouse.org/2025/07/20/the-middle-corridor-the-future-of-central-asian-growth-and-cooperation/> (accessed: 11.01.2026) (In English)

АБАЙДУЛЛАЕВА М.М.,*¹

Ph.D., қауымдастырылған профессор.

*e-mail: m.abaidullayeva@turand.edu.kz

ORCID ID:0000-0003-2113-5281

ДАДАБАЕВА Д.М.,¹

э.ғ., профессор-зерттеуші.

e-mail: d.dadabayeva@turand.edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-2439-3470

МУСАЕВА Н.М.,²

э.ғ.д., профессор.

e-mail: nurimusa78@gmail.com

ORCID ID:0009-0003-7324-6562

¹«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²Ж. Баласағұн атындағы Қырғыз

ұлттық университеті,

Бішкек қ., Қырғызстан

ТӘУЕКЕЛГЕ БАҒДАРЛАНҒАН ТАЛДАУ НЕГІЗІНДЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ «5+1» ФОРМАТТАРЫ АЯСЫНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫН КЕҢЕЙТУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Андатпа

Мақалада Орталық Азия елдерінің «5+1» форматтарындағы экономикалық ынтымақтастығының ерекшеліктері, тәуекелдері және оны кеңейту перспективалары қарастырылады. Бұл формат бес аймақтық мемлекеттің (Қазақстан, Өзбекстан, Қырғызстан, Тәжікстан және Түрікменстан) бір сыртқы серіктеспен (АҚШ, Қытай, Ресей, ЕО, Жапония) өзара іс-қимыл жасауын көздейтін халықаралық ынтымақтастық моделі болып табылады. Қазіргі жағдайда аталған форматтар Орталық Азияны әлемдік экономикаға интеграциялаудың маңызды құралына айналууда. Олардың икемді және әлсіз институционалданған сипаты бір жағынан бейімделгіштікті арттырса, екінші жағынан геосаяси, инфрақұрылымдық, институционалдық және климаттық факторларға осалдықты күшейтеді. Сонымен қатар, осы институционалдық ерекшелік тәуекелдерді жүйелі басқару жағдайында экономикалық ынтымақтастықты кеңейту мен тереңдету үшін елеулі әлеует қалыптастырады. Зерттеудің мақсаты – институционалдық тәсілді, SWOT-талдау әдістерін және тәуекелдерді картаға түсіруді қолдану негізінде әлеуетті қауіп-қатерлер мен тәуекелдерді жүйелеу және бағалау арқылы Орталық Азия елдерінің «5+1» форматтарындағы экономикалық ынтымақтастығын кеңейту перспективаларын айқындау. Жұмыста ынтымақтастықтың тұрақтылығына әсер ететін негізгі факторлар талданып, тәуекелдер олардың экономикалық табиғаты, іске асу ықтималдығы және әсер ету дәрежесі бойынша жіктеледі, сондай-ақ анықталған тәуекелдерді сауда, инвестициялар, көлік-логистика, энергетикалық инфрақұрылым және ESG-күн тәртібі салаларындағы стратегиялық даму бағыттарына айналдыру мүмкіндігі негізделеді. Зерттеудің ғылыми маңыздылығы «5+1» форматтарын талдаудың тәуекелге бағдарланған және бір мезгілде перспективалық бағдарланған моделін қалыптастыруымен айқындалады, себебі бұған дейін бұл форматтар негізінен саяси-дипломатиялық тұрғыда қарастырылып келген. Жұмыс халықаралық экономикалық ынтымақтастықтың гибриді формалары туралы теориялық түсініктерді кеңейтіп, тәуекелдердің тек осалдық көзі ғана емес, сонымен қатар аймақтың экономикалық дамуына жаңа серпін беретін фактор бола алатынын көрсетеді. Зерттеудің практикалық маңыздылығы оның нәтижелерін сыртқы экономикалық саясатты әзірлеуде, көлік-логистикалық ынтымақтастықты кеңейту бағдарламаларын қалыптастыруда, техникалық стандарттарды үйлестіруде, кедендік рәсімдерді цифрландыруда және ESG қағидаттарын Орталық Азия елдері мен олардың сыртқы серіктестерінің бірлескен экономикалық бастамаларына енгізуде пайдалануға болатынымен байланысты.

Тірек сөздер: «5+1» форматы, өңірлік интеграция, стратегиялық әріптестік, орнықты даму, әлеуетті тәуекелдер, экономикалық ынтымақтастық, әлемдік экономика.

ABAI DULLAYEVA M.M.,*¹

PhD., associate professor-researcher.

*e-mail: m.abaidullayeva@turand.edu.kz

ORCID ID:0000-0003-2113-5281

DADABAYEVA D.M.,¹

c.e.s., professor-researcher.

e-mail: d.dadabayeva@turand.edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-2439-3470

MUSAEVA N.M.,²

d.e.s., professor.

e-mail: nurimusa78@gmail.com

ORCID ID:0009-0003-7324-6562

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

²Kyrgyz National University

named after Zh. Balasagyn,

Bishkek, Kyrgyz Republic

PROSPECTS FOR EXPANDING ECONOMIC COOPERATION OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES WITHIN THE “5+1” FORMATS BASED ON RISK-ORIENTED ANALYSIS

Abstract

The article examines features, risks, and prospects for expanding economic cooperation among Central Asian countries within «5+1» formats – a model where five regional states (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan) cooperate with one external partner (USA, China, Russia, EU, or Japan). These formats serve as instruments for integrating Central Asia into the global economy. Their flexible, weakly institutionalized nature increases adaptability but also enhances vulnerability to geopolitical, infrastructural, institutional, and climate-related factors. This institutional specificity creates significant potential for deepening cooperation, provided systematic risk management is applied. The research aims to identify prospects for expanding economic cooperation within «5+1» formats through systematization and assessment of potential risks, using institutional approach, SWOT analysis, and risk mapping. The paper classifies risks by economic nature, probability, and degree of impact, substantiating the possibility of transforming identified risks into strategic directions for developing trade, investment, transport, energy infrastructure, and ESG agenda. Scientific significance lies in developing a risk-oriented and perspective-oriented analytical model for «5+1» formats, previously studied mainly in political-diplomatic context. The study expands theoretical views on hybrid forms of international economic cooperation, demonstrating that risks can serve not only as vulnerability sources but as drivers of regional economic growth. Practical significance consists in applying results toward foreign economic policy development, transport-logistics cooperation, harmonization of technical standards, digitalization of customs procedures, and integration of ESG principles into joint economic initiatives of Central Asian countries and external partners.

Keywords: “5+1” format, regional integration, strategic partnership, sustainable development, potential risks, economic cooperation, world economy.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.01.2026